
Григорий БЕНЕВИЧ

* * *

«С Праздником», — говорю знакомому я жрецу
из часовни блаженной Ксении.
И он отвечает, как подобает лицу
священному: «с Праздником вас, с Успением!»

Там, где мы встретились, где встречаемся с ним
регулярно — в гражданской купальне, на умовении,
человек предстает человеку совсем нагим,
то есть как мать родила — обреченным смерти и тлению.

Но, как ни странно, здесь-то глаза, лицо
скорее увидишь, глубину *беспредельности*
вне, так сказать, религий и вне жрецов,
а человека — каждого по отдельности.

* * *

надев
двубортное пальто
(с чьего плеча? —
кого-то из умерших),
без опасенья выйти на мороз.

зима ядреная
по оба борта!
но «красин» мой прекрасен —
не затрет
его зимы
челюскинскими льдами!

КАЛЕНДАРНОЕ

Зимний Максим.
Черный декабрь в России
черный же сменяет
январо-февраль.

Григорий Беневиц родился в 1956 году в Ленинграде. Культуролог, философ, поэт. Доцент Русской христианской гуманитарной академии. В советский период публиковался в самиздатских журналах «Обводный канал», «Часы», «Предлог», в последние годы публикует стихи и статьи в журналах «Нева», «НЛО», «Звезда», «Волга», «Интерпоэзия», «Плавучий мост», «Этажи», «Чайка» и других.

Янус двуликий.
Страна прирастает Сибирью.
Ну, а с Европой у нас —
«другая мораль».

Впрочем, какая мораль там, в Европе? —
двойная!
То, что позволено им,
не позволено нам.
Наша ж мораль —
как порука сильна круговая,
да и живем мы по двум
сразу календарям,

по византийскому
и по петровскому то есть.
И не замучит нас их
государственный стыд.
Ведь запасное есть время у нас,
чтобы совесть
выбелить так,
как нас учит в псалме
царь Давид.
3 февраля (21 января) 2015 г.

* * *

Отложив догматы все и книги,
Эвридики вызывая тень,
на подвижной лестнице религий
я займу последнюю ступень.

К магии сойду и анимизму,
стану камнем, деревом, цветком,
откажусь от христианской жизни,
будто с ней я вовсе не знаком.

И в Господень день Преображенья
не на гору чудную взойду,
но сойду вослед любимой тени —
может, отыщу ее в аду.

Преображение 2015 г.

* * *

Сегодня приснилось, что мама пошла,
взяла и пошла, лишь слегка опираясь
на трость. Я запомнил, что я удивляюсь
тому, как она это сделать смогла.

Пошла и без помощи чьей-то, сама!
А то, что мне это приснилось, — не понял.
Но только я радостью переполнен
был, тотчас же выбросило из сна.

О ДУШЕ

Флоренции не удалось купить
Певца Лауры, предпочел тирана
Он и архиепископа Милана,
Который дал ему спокойно жить,

Не привлекая ко преподаванию,
Не предлагая кафедру... Певец,
Он предпочел, чтобы святой отец
Его кормил, а не купцов собрание

Флоренция, твоих, народу «жирных»,
Которым друг его «Декамерон»
Составил, он не дал себя в полон
И жить остался для занятий мирных

И воспитанья собственной души
На подвигах героев древних...
Поди попробуй в купле повседневной
Свою живую песнь не задуши.

КЛАДБИЩЕ

Кладбище советской культуры
По дороге на Щучье — еврейские имена
Вперемежку с русскими — литературы
И других искусств... Но если бы не одна

Могилы с железным крестом, то нечего говорить бы,
Не то что любимая, — дело не в том,
Но судьба и эпоха целая, видимо,
Лежит под этим крестом.

До сих пор мы хороним эту эпоху. Вон вырыты
Свежие могилы. А дальше? Братва
Комарово скупит, а интеллигенция вымрет
Или уедет, и придет татарва

Новая — с позвонками крещеными
Бог весть где, но хотящая под крестом
В землю лечь, как Ахматова. Меж культурой и зоной
Нет границы и не было
в мире том.